

УДК 323.12

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ:
ГЕНЕЗИС, ОРГАНИЗАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ***С.А. Сергеев, А.Л. Салагаев***Аннотация**

В статье рассматриваются происхождение современного русского этнонационализма, основные русские этнонационалистические организации, существовавшие на протяжении 1990–2012 гг., их типология. Уделено внимание проблеме обоснованности применения к русскому этнонационализму характеристики *русский фашизм*, а также возникновению и существованию в рамках русского этнонационалистического движения национал-демократического направления. Сделано заключение о идейно-политической и стилевой неоднородности русского этнонационализма.

Ключевые слова: этнонационализм, ксенофобия, скинхеды, правый радикализм, нацизм, национал-демократизм.

Политика демократизации и гласности, объявленная М. Горбачевым в конце 80-х годов XX века, достаточно быстро привела к формированию в СССР и в России основ политического плюрализма и появлению организаций, так или иначе представлявших основные идейно-политические направления, существующие и по сей день. Эти идейно-политические направления с известной долей условности можно назвать *демократами* (понимаемые в широком смысле, они включают и либералов, и социал-либералов, и социал-демократов, и либеральных консерваторов), *коммунистами* и *русскими националистами* (представители этого направления предпочитали именовать себя *патриотами*).

Предыстория данной тенденции уходит достаточно далеко в советское прошлое. Как было показано, в частности, Н. Митрохиным, ксенофобия и антисемитизм ещё в 50–60-х годах имели широкое распространение среди части культурной элиты СССР, группировавшейся вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» [1, с. 141–168, 368–395]. Националистический оттенок имело и появившееся позже литературное течение «деревенщиков».

Отношение властей к подобным взглядам было амбивалентным. Русские националисты, пытавшиеся создавать нелегальные организации и распространять самиздат, преследовались. В то же время ещё в начале 80-х годов в СССР сформировалась обширная сеть групп, объединявших сторонников русского радикального националистического движения, (часто вполне легально функционировавших в качестве культурно-исторических клубов) и таких изданий, как «Молодая гвардия», на страницах которых они могли достаточно свободно выражать свои взгляды [2, с. 296].

Наибольшую известность среди появившихся тогда ассоциаций националистов получила группа «Память», возникшая в 1982 г. Само её название стало нарицательным для всего национал-патриотического лагеря [3, с. 132]. В 1984 г. в её ряды вступил фотограф Дмитрий Васильев, благодаря которому в последующие несколько лет «Память» превратилась в самую важную русскую националистическую организацию. В 1986–1988 гг. Д. Васильев и его единомышленники оказались в фокусе общественного внимания благодаря выступлениям, в ходе которых, вероятно, впервые в советской истории, политические деятели публично идентифицировали себя как русских националистов, не прибегая к обязательным в предыдущий период ссылкам на марксизм.

С именем Д. Васильева связан постепенный переход объединения «Память» к так называемой антиссионистской пропаганде и борьбе с сионо-масонским заговором, ставшей одной из главных целей объединения. Большинство членов «Памяти» разделяло точку зрения на сионизм как на идеологию мирового зла, изучало «Протоколы Сионских мудрецов» и литературу о сионизме и масонстве, однако до появления Д. Васильева эта тема, живо обсуждаемая во время чаепитий, как правило, не была предметом публичных выступлений на вечерах «Памяти». После приобретения объединением националистического характера, в течение 1986–1988 гг. оно переживает несколько расколов, во время которых возникают несколько объединений-клонов (И. Сычѳв, Т. Пономарѳва, Н. Ширяев и др.) [4, с. 16–19]. Вместе с тем ни одна из многочисленных русских радикально-националистических групп не насчитывала в 1991 г. – году распада СССР – более 600 членов.

По мнению Н. Митрохина, в целом терпимое отношение советских партийных органов к националистическим протогруппам, а в дальнейшем националистическим объединениям, а также участие сотрудников партийно-государственного аппарата в русском националистическом движении были обусловлены тем, что в среде советской партийной номенклатуры довольно распространѳнными были различные этнические мифы и проявления этноксенофобии, в первую очередь мифы о «плохих евреях и кавказцах».

Основной миф русских националистов в партийно-государственном аппарате, переданный движению русских националистов, выглядел так: все евреи заодно, они склонны к заговорам, обладают рядом негативных общих качеств, связаны круговой порукой и помогают своим по крови. При этом они сами ничего полезного не производят, а «едят русский хлеб». Они не любят русских, государство, в котором живут, и склонны к предательству, зачастую с помощью или по просьбе своих родственников на Западе. При случае они готовы бежать за границу со всем накопленным в России богатством. Основу «мифа о кавказцах» составляли обвинения в узурпации власти в 30–50-х годах XX в., спекуляции на колхозных рынках и контроле над ними и т. д. [1, с. 61–65].

«Наследницей» общества «Память» стала партия «Русское национальное единство» (РНЕ). РНЕ возникло после того, как заместитель Д. Васильева Александр Баркашов, руководивший силовыми подразделениями «Памяти», недовольный «бездействием и корыстолюбием» Д. Васильева, в начале 1990 г. вышел из «Памяти» вместе с несколькими десятками сторонников [3, с. 241].

Первоначально организацию, называвшуюся тогда «Национальное единство за свободную сильную справедливую Россию» (НЕзаСССР), возглавляли два человека – Александр Баркашов и Виктор Якушев. А. Баркашов состоял в «Памяти» с 1985 г. и дослужился до заместителя председателя и командира «тысячи» боевиков. В. Якушев – один из основоположников и теоретиков русского национализма. Ещё в 1980 г. он организовывал демонстрацию антисемитски настроенной молодёжи у Московской синагоги, но в современном национал-патриотическом движении участвовал только с 1989 г., в «Памяти» состоял только несколько месяцев [3, с. 332]. Совместная организация А. Баркашова и В. Якушева была создана в августе 1990 г., хотя уже в октябре лидеры разошлись. Часть организации, оставшаяся с А. Баркашовым, была переименована в РНЕ. В. Якушев вплоть до своего ареста за рэкет весной 1995 г. возглавлял Национал-социальный союз.

РНЕ отличалось от «Памяти» и прочих организаций, возникших в предшествующий период, совершенно новым паттерном коллективных действий: в противовес «Памяти», навсегда сохранившей черты дискуссионного клуба, РНЕ с самого начала имитировало структуру военного подразделения, его ядром были военные и сотрудники правоохранительных органов, как находящиеся в отставке, так и действующие. Все его члены носили одинаковую чёрную униформу и проводили много времени за строевой подготовкой и упражнениями в стрельбе. Излюбленными коллективными действиями РНЕ были не собрания и дискуссии, а марши и патрулирования улиц в качестве дружинников. РНЕ контролировало разветвлённую сеть охранных фирм, в которых работали его члены. В отличие от «Памяти» РНЕ имело независимые значительные источники финансирования и могло предложить своим членам не только способ проведения досуга, но и обучение или профессиональную занятость. РНЕ использовало руническую символику, как в своё время и национал-социалисты, чего «Память» никогда не делала [2, с. 297–298].

По мнению ряда исследователей, РНЕ добилось значительного успеха не столько благодаря выражению радикальных националистических идей, сколько благодаря имплицитной поддержке властных органов. По мнению В. Лихачёва, спецслужбы превратили РНЕ в мощную организацию, выполнявшую в необходимые моменты (например, в октябре 1993 г.) роль пугала, а когда её лидер А. Баркашов стал проявлять самостоятельность, то организация была быстро маргинализована и вытеснена с политической арены [5, с. 49–50].

В 90-е годы разнообразие радикальных националистических групп в России и их активность значительно увеличились. Различные группы радикальных националистов по-разному выстраивали свой «набор идентичностей». А. Верховский выявил четыре варианта формирования данного «набора» [6, с. 9–13]. Первый – это эклектическое соединение русского этнического национализма с восхищением Сталиным и Советским Союзом, который преподносился как «Красная империя». С этих идей начинало общество «Память», но после событий октября 1993 г. идеи «красного патриотизма» легли в основу и идеологии КПРФ Г. Зюганова.

Другим вариантом конструирования русского радикального национализма стало обращение к традиции дореволюционной «чёрной сотни». Её можно кратко

определить как православный и монархический русский национализм, притом что конфессиональной идентичности всё-таки отдавалось первенство. По мнению А. Верховского, хотя чисто черносотенные группы имели мало успеха, в современной политической жизни России элементы православного национализма представлены довольно широко [6, с. 11].

Некоторые радикальные маргинальные группы и идеологи попытались создать принципиально новую идентичность на основе идеологии евразийства (хотя неоевразийство 90-х годов XX века, по замечанию А. Верховского, имело весьма отдалённое отношение к наследию русских евразийцев 20-х годов) [6, с. 12]. Однако сравнительно популярным стало лишь представление, что Россия базируется на двойной этнической (славянской и тюркской) и религиозной (православной и мусульманской) идентичности, и потому она – и не Восток, и не Запад, что подтверждает необходимость следования по «особому пути».

Разумеется, в качестве ещё одного варианта конструирования радикальными русскими националистами собственной идентичности нельзя не назвать собственно германский нацизм (фашизм). Протестная романтизация нацизма существовала уже в советские годы. В начале 80-х годов неонацистские группы в СССР пытались праздновать «дни рождения Гитлера» (первая попытка относится к 1982 г.). К организациям, «явно стилизующимся под нацизм», нередко относят Русское национальное единство, хотя «русский национализм в РНЕ понимался заметно шире чисто неонацистского стандарта; чего стоит демонстративное, хотя и глубоко не церковное, православие РНЕ» [6, с. 13].

При всём различии этих четырёх вариантов конструирования идентичности общими для них являются этатизм (державничество), неприязненное отношение к Западу и к демократии, ксенофобия.

Принципиально новым явлением в русском радикальном националистическом движении во второй половине 90-х годов стало движение «бритоголовых» со свойственной ему субкультурой. В 1995 г., по журналистским оценкам, в Москве насчитывалось около 150 «бритоголовых» (а в других российских регионах их численность была совсем ничтожной) [7]. Менее чем за 10 лет, по оценкам российского эксперта по молодежным движениям А. Тарасова, численность скинхедов в России возросла до 50 тыс. человек (в том числе в Москве и ближнем Подмосковье – 5–5.5 тыс., в Санкт-Петербурге – до 3 тыс.) [8].

При этом следует подчеркнуть, что в России доминируют именно правые, наци-скинхеды.

В чём причина столь быстрого роста численности скинхедов? По мнению А. Верховского, скин-движение росло необычайно быстро, поскольку было не столько новым идейным веянием, сколько новой молодёжной субкультурой (пусть и неотделимой от определённых идей), причём выраставшей не на пустом месте, а в тесной связи с субкультурой футбольных фанатов [6, с. 14]. Но, вероятно, это лишь часть ответа: можно назвать молодёжные субкультуры, чрезвычайно популярные на Западе, но влачащие маргинальное существование в России (например, раста, киберпанки, киберготы и прочие).

А. Тарасов предложил иное объяснение. По его мнению, политическими факторами, спровоцировавшими нарастание активности скинхедов, явился расстрел Белого дома и последовавший за этим период «особого положения»

в Москве, когда на улицах царил полицейский террор, быстро принявший явно расистский (формально – антикавказский) характер [9]. Следует отметить, что события, упоминаемые А. Тарасовым, отделяет от начала быстрого роста движения скинхедов примерно пятилетний период.

Другим фактором, который сформировал благоприятную почву для роста численности скинхедов, стал, по мнению А. Тарасова, экономический спад начала 90-х годов и развал советской системы образования и воспитания [9]. А. Тарасов также настойчиво подчёркивает, что скинхеды – выходцы из семей «мелкой буржуазии», вновь образовавшегося слоя мелких предпринимателей [8], тем самым фактически выражая поддержку известному тезису о том, что фашизм – выражение политических устремлений средних слоёв, прежде всего городской и сельской мелкой буржуазии [10, с. 222; 11, р. 160]. При этом следует согласиться с А. Тарасовым в том, что основу движения скинхедов составляет именно социально-политический протест, лишь закамуфлированный лозунгами этнической и расовой вражды.

Возможно, причина быстрого роста численности скинхедов – изменение массовых настроений в российском обществе. Согласно опросам ВЦИОМ и Левада-центра, в 1999 г. суммарный индекс поддержки лозунга «Россия для русских!» превысил 50%¹ и с тех пор уже не снижался [12]. Конечно, этот лозунг можно понимать различным образом, но рост его популярности коррелирует с возрастанием ксенофобии.

По всей вероятности, рост ксенофобских настроений связан с началом Второй чеченской войны. Как и всякая война, она усиливала этническую ксенофобию, но в отличие от Первой пользовалась широкой поддержкой населения. Продолжение роста ксенофобских настроений А. Верховский и другие эксперты связывают с тем, что «низовая, “кухонная” ксенофобия стала получать поддержку на уровне массмедиа» [6, с. 20].

Изменение массовых настроений было замечено прежде всего теми журналистами, политиками и активистами, которые давно хотели проявить собственные предрассудки или использовать в своих интересах чужие, но не делали этого, опасаясь идти против большинства. Неудивительно поэтому, что первые же шаги по легитимации ксенофобии, предпринятые этими людьми, закрепили её возросший уровень. А уже вскоре многие смогли заметить, что то, что раньше было допустимо лишь на кухне или в устах заведомых радикалов, становится все более привычным в мейнстриме. Так возникла своего рода спираль легитимации этноксенофобии и связанных с ней националистических идей, которая успешно функционирует до сих пор.

Изменение массовых настроений в начале 2000-х годов было удобно тем политикам и общественным деятелям, кто стремился создать организацию, идейная платформа которой основывалась бы на враждебном отношении к выходцам из других стран и в целом к лицам иной этнической принадлежности. В 2002 г. возникло Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), которое возглавил А. Белов (Поткин). Это движение в качестве главного своего

¹ Под суммарным индексом поддержки здесь имеется в виду доля опрошенных, так или иначе этот лозунг одобрявших.

«врага» избрало этнических мигрантов, под которыми фактически понимались даже не мигранты, а любые неславяне, оказавшиеся в регионах с традиционным доминированием этнического русского населения. В 2003–2005 гг. ДПНИ стало пользоваться определённым влиянием в среде скинхедов, многие группировки которых начали называть себя боевыми отрядами или бригадами ДПНИ. При этом скинхеды скорее лишь рассматривали ДПНИ как идеологический «зонтик», чем подчинялись московскому Центральному Совету ДПНИ организационно.

Локальный конфликт в г. Кондопога (Карелия) в августе – сентябре 2006 г. между местными жителями и выходцами с Кавказа, в большинстве своём этническими чеченцами, был использован лидерами ДПНИ для того, чтобы заявить о себе как о «выразителях интересов народа» [13, с. 63]. По мнению О. Маслова и А. Прудника, «события в Кондопоге в конце августа 2006 года фактически сотворили из одной мало известной маргинальной политической организации структуру, к которой вдруг оказалось приковано внимание подавляющего большинства политизированных граждан России. Кто-то связывал с этой организацией свои надежды на воплощение неких политических фантазий, кто-то видел в организации ДПНИ нарождающегося монстра, способного дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в России» [14].

Начиная с 2008 г. ДПНИ испытывает серьёзные внутренние трудности. Из руководства Движения вышел (в связи с уголовным преследованием) А. Белов, что является существенной потерей для организации. 11 июля 2009 г. состоялся Второй всероссийский съезд ДПНИ, который продемонстрировал резкое сокращение численности организации. Съезд формально закрепил смену руководства: А. Белова на посту Национального совета ДПНИ сменил не имеющий опыта публичной деятельности В. Ермолаев [15].

ДПНИ постепенно вытесняется из сферы публичной политики: практически полный провал, по мнению Г. Кожевниковой, потерпели в 2009 г. попытки движения использовать «кондопожскую технологию» (перевод бытовых конфликтов в этническое русло) [15]. К тому же в 2009 г. у ДПНИ появился сильный конкурент – движение «Русский образ». В тесной связи с «Русским образом» действует петербургское движение «Сопrotивление» (Р. Зенцов), создающее в настоящее время ячейки по всей России. Но при этом рост рядов правых радикалов происходит за счёт перехода активистов из других организаций или переориентации целых групп, а не за счёт появления новых людей.

По данным организации «Со́ва», в России начиная с 2004 г. отмечается увеличение количества насильственных преступлений, совершаемых членами этнонационалистических группировок. В первую очередь совершаются нападения на людей неславянской внешности, а также на представителей тех молодёжных субкультур, которых правые радикалы и националисты считают «предателями идей белой расы» (панки, готы, эмо и др.).

В течение 2004 г. произошло 269 подобных нападений, 50 человек погибло. В 2006 г. – уже 588 нападений и 66 убийств, в 2007 г. – 716 нападений и 97 убийств. В 2008 г. уровень насилия со стороны правых радикалов и этнонационалистов по сравнению с предыдущим годом снизился, но оставался достаточно высоким, к тому же возросло количество летальных исходов: 615 нападений

и 116 убийств. С 2009 г. количество инцидентов начало снижаться, хотя и в 2009 г. погибло не менее 94 и было ранено не менее 443 человек. Уровень насилия оставался достаточно высоким и в 2010 г.: 453 пострадавших, из них 44 убитых. Заметно снизилось количество нападений лишь в 2011 г. (219 пострадавших, 26 убитых) [16], возможно, в связи с изменением политической ситуации.

Не нуждается в дополнительных обоснованиях тезис о том, что насилие порождает насилие. Представители тех молодёжных субкультур, что стали объектом нападений со стороны скинхедов, а также активисты левых молодёжных организаций перешли от обороны к нападению и объединились в группы «боевых антифа» для силового противостояния неонацистам. В 2009 г. были убиты известные активисты движения «антифа» И. Джапаридзе и И. Хуторской (Костолом).

В течение 2009–2010 гг. обнаружила себя чрезвычайно опасная тенденция в деятельности праворадикальных групп: от нападений они перешли к терактам, причём эти теракты всё чаще направлены уже не против «этнически чужих», сколько против идеологических противников правого радикализма и представителей государства. Так, 19 января 2009 г. были убиты Ст. Маркелов, известный российский адвокат и антифашист, и журналист «Новой газеты» А. Бабурова. Осуждённые по обвинению в причастности к этому преступлению Н. Тихонов и Е. Хасис входили в праворадикальную националистическую организацию «ОБ-88» [17, с. 249].

Наиболее известным терактом, ответственность за который взяла на себя праворадикальная организация, был подрыв поезда «Невский экспресс» 27 ноября 2009 г., в результате которого погибло 26 человек и ещё около 100 получили ранения. Ответственной за этот теракт объявила себя группа «Combat 18 – Ингерманландия».

12 апреля 2010 г. в Москве был убит судья Московского городского суда Э. Чувашов. Его застрелили в подъезде собственного дома. За несколько дней до убийства Э. Чувашов огласил приговор скинхедам из банды Рыно-Скачевского. Ранее, в феврале 2010 г., он отправил за решётку банду А. Джавахишвили «Белые волки». Сразу возникли предположения, что это преступление связано с профессиональной деятельностью Э. Чувашова [18].

Всего же правые радикалы-националисты в течение 2009 г. взяли на себя ответственность не менее чем за 50 поджогов, взрывов или ложных минирований. Впрочем, во многих случаях достоверно установить, является теракт инициативой самих правых радикалов или провокацией спецслужб, невозможно. В то же время известно, что ряд лидеров русских националистов (А. Севастьянов, бывший лидер Национал-державной партии, Д. Дёмушкин, лидер недавно запрещённого «Славянского союза») в своих выступлениях в течение 2009 г. открыто призывали своих сторонников к вооружённому сопротивлению режиму. «Целью террора, – предполагает Г. Кожевникова, – может быть максимальная дестабилизация государственной системы и паника в обществе, что, по мнению теоретиков этого террора, должно привести к неонацистской революции и в конечном итоге – к установлению “белой власти”» [15].

Кульминацией действий русских националистов стали волнения в декабре 2010 г. на Манежной площади в Москве, в которых приняло участие около

10 тыс. человек. Эти события были вызваны убийством футбольного болельщика Егора Свиридова уроженцами Северного Кавказа. Особое возмущение фанатов футбольного клуба «Спартак» вызвало то обстоятельство, что четверо из пяти участников этого нападения были отпущены милицией под подписку о невыезде. Товарищи убитого сначала пикетировали здания правоохранительных органов, а затем призвали представителей всех фанатских клубов выйти на Манежную площадь. Состав многотысячной толпы участвовавших в протестной акции был разнородным: футбольные фанаты, скинхеды, правые радикалы и т. п. Кроме лозунгов, обращённых к властям и милиции, с требованием защитить от этнической преступности, участники выкрикивали националистические лозунги и избивали случайных прохожих неславянской внешности.

Эксперт Московского центра Фонда Карнеги Николай Петров отметил, что «многотысячный погром на Манежной площади в Москве в канун дня Конституции свидетельствует о серьёзном неблагополучии как в обществе, так и в правоохранительной сфере. <...> Власть в лице правоохранителей, во-первых, спровоцировала толпу молодёжи откровенным нежеланием, неспособностью расследовать резонансное дело об убийстве; во-вторых, оказалась не готова решительно противостоять противоправным действиям этой толпы» [19].

Непосредственным результатом волнений на Манежной площади стало запрещение в 2011 г. ДПНИ и «Славянского союза» как экстремистских организаций.

Одной из дискуссионных проблем, обсуждаемых как в академическом дискурсе, так и в дискурсе российских массмедиа уже около 20 лет, является вопрос об обоснованности применения к русскому этнонационализму характеристики *русский фашизм*.

Существует достаточно влиятельная группа исследователей, которые постоянно прибегают к историческим параллелям между национал-социалистическим движением в Германии в 20–30-е годы XX века и этнонационалистическими группировками в современной России, ищут идеологические и стилистические аналогии между практикой российских праворадикальных организаций и НСДАП, сравнивают широкий социальный контекст межвоенной Германии и современной России (концепция «веймарской России»). К ним, в частности, относят экспертов центра «Панорама», исследователей ВЦИОМ и Левада-центра, Института социологии РАН, а также многих учёных-славистов из США, Великобритании и Германии [20, с. 31].

При всём уважении к этим исследователям и их взглядам М. Соколов, например, считает интеллектуальные выигрыши от применения концепции «русского фашизма» сомнительными, а издержки – значительными. Так, указывает он, никто в ходе дискуссии о «русском фашизме» не обсуждал субкультурной специфики российских правых, не рассматривал их места в медиа-дискурсе (несмотря на напрашивающиеся аналогии с классическими исследованиями моральной паники) и не касался вопроса об идеологическом сходстве между современными американскими и российскими правыми экстремистами [20, с. 33]. Более того, замечает Соколов в одной из ремарок, когда он призывал коллег – хотя бы на минуту и в эвристических целях – забыть о фашистской сущности организаций типа РНЕ и рассмотреть их в ряду более нейтральных объектов

(субкультур или религиозных движений), то много раз сталкивался с «праведным гневом» с их стороны [20, с. 36].

Между тем собственные исследования привели М. Соколова к выводу о том, что обличение массмедиа «коричневой угрозы» приводит к росту численности праворадикальных организаций. В конечном итоге навязчивый дискурс, твердивший обществу о фашистской угрозе, был использован государством для того, чтобы поставить под контроль всю оппозицию (а не только радикальных националистов) и всю политическую жизнь [20, с. 53]. Отметим, что тезис о «русском фашизме» в Татарстане, в частности, активно используют против русских организаций татарские этнонационалисты [21] (что лишним раз, по нашему мнению, иллюстрирует тот факт, что концепция «русского фашизма» подчас оказывается просто лейблом, ярлыком, недобросовестно используемым в идеологических баталиях).

Но в последние годы в русском этнонационалистическом движении наряду с радикальной тенденцией, сторонники которой сами нередко идентифицируют себя с расистами и нацистами, заявляет о себе и противоположная тенденция – национал-демократическая.

В ноябре 2010 г. было создано движение «Русский гражданский союз», заявившее о своей приверженности принципам национал-демократии. Основатели движения – выходцы из ДПНИ А. Сусов и А. Храмов – критически подошли к идейному и организационному наследию русского этнонационализма, назвав этнонационалистическую литературу и пропаганду «на 90% агрессивным хламом и макулатурой» и заявив, что за 20 лет русский этнонационализм не добился «практически никаких успехов, затянув русское движение в болото маргинальности» [22]. Традиционным для русского этнонационализма симпатиям к авторитарным идеологиям правого или левого толка национал-демократы попытались противопоставить русскую демократическую традицию и союз с демократической оппозицией.

Начиная с декабря 2011 г. национал-демократы участвуют в оппозиционном протестном движении, став одной из его составных частей наряду с либеральными, левыми и гражданскими организациями.

В марте 2012 г. две крупные национал-демократические организации – «Русский гражданский союз» и «Русское общественное движение» – объединились в Национально-демократическую партию. В «Манифесте о создании Национально-демократической партии» подтверждены неприятие авторитарных и демократических форм правления, приверженность демократии, понимаемой как ответственность власти перед обществом при соблюдении основных демократических прав и свобод, равенству всех граждан перед законом и федерализму [23, с. 4–5]. При этом авторы манифеста пытаются сочетать демократические принципы с этноцентристским пониманием роли и значения русского народа: «мы рассматриваем русский народ и его благоденствие как цель существования российского государства» [23, с. 3].

Таким образом, российский этнонационализм неоднороден в идейно-политическом и стилевом отношении, имеет множество различных форм и проявлений. Нельзя отрицать, что он представлен в том числе этнорасистским направлением, характеризующимся склонностью к агрессии и проявлениям насилия,

однако ставить знак равенства между русским этнонационализмом и нацизмом – значит значительно упрощать ситуацию. Среди русских этнонационалистов есть сторонники национальной демократии, есть консерваторы и т. д. К сожалению, многие современные исследователи, как российские, так и зарубежные, подходят к анализу русского этнонационализма односторонне, оперируя публицистическими и устаревшими стереотипами, что вовсе не способствует пониманию сути этого явления.

Summary

S.A. Sergeev, A.L. Salagaev. Modern Russian Ethnonationalism: Genesis, Organizations, and Prospects.

This paper deals with the origin of modern Russian ethnonationalism, the main Russian ethnonationalist organizations which existed between 1990 and 2012, and their typology. Attention is paid to the problem of whether it is valid to refer to Russian ethnonationalism as *Russian fascism* and to the emergence and existence of national democratic orientation within the Russian ethnonationalist movement. A conclusion is made about the ideological and style heterogeneity of Russian ethnonationalism.

Keywords: ethnonationalism, xenophobia, skinheads, right radicalism, Nazism, national democracy.

Литература

1. Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1956–1985 годы. – М.: Нов. лит. обозр., 2003. – 624 с.
2. Соколов М.М. Театр превращений: анализ эволюции русского радикально-националистического движения // Актуальные проблемы трансформации социального пространства / Под ред. С.В. Васильева. – СПб.: Леонтьевский центр, 2004. – С. 295–321.
3. Верховский А., Панин А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. – М.: Ин-т эксперим. социол., 1996. – 358 с.
4. Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России: История, идеология, экстремистские тенденции. – М.: Ин-т эксперим. социол., 1996. – 190 с.
5. Лихачёв В. Нацизм в России. – М.: Центр «Панорама», 2002. – 176 с.
6. Верховский А. Идеологическая эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А.М. Верховского. – М.: Центр «Сова», 2007. – С. 6–32.
7. Невелев Д. Внимание: бритоголовые. Погружение в мир воинствующих маргиналов // Огонёк. – 1995. – № 19. – С. 31.
8. Тарасов А. Наци-скины в современной России: Доклад для Московского бюро по правам человека. – URL: www.scepsis.ru/library/id_605.html, свободный.
9. Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Новая молодежная субкультура в России. – URL: www.scepsis.ru/library/id_115.html, свободный.
10. Галкин А.А. Германский фашизм. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
11. Lipset S.M. Political Man. – Garden City, N. Y.: Doubleday, 1960. – 432 p.
12. Национализм и ксенофобия. – URL: <http://www.levada.ru/press/2007082901.html>, свободный.
13. Григорьев М.С. Кондопога: что это было. – М.: Европа, 2007. – 212 с.

14. *Маслов О.Ю., Прудник А.В.* ДПНИ как феномен новой российской реальности // Независ. полит. обзор. – 2006. – 11 сент.
15. *Кожевникова Г.* Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 году. – URL: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/E4FA706>, свободный.
16. *Лето 2012 г.: возвращение к пройденному* / Под ред. А. Верховского, В. Альперович, Н. Юдиной. – URL: http://polit.ru/article/2012/09/28/Summer12_12-09-22/, свободный.
17. *Шнирельман В.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: Изд-во ББИ, 2012. – 302 с.
18. *Убийство Чувашова: неонацисты не скрывают ликования.* – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=353948&tid=79473>, свободный.
19. *Petrov N.* Moscow riots: More to come? – URL: http://rbth.ru/articles/2010/12/16/moscow_riots_more_to_come05215.html, свободный.
20. *Соколов М.* Изучая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х // Русский национализм в политическом пространстве / Сост. М. Ларюэль. – М.: Франко-рос. центр гуманит. и обществ. наук, 2007. – С. 30–53.
21. *Эксперты: Казанский кремль начал создавать в Татарстане «ручные» русские организации.* – URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-volga/tatarstan/1595305.html>, свободный.
22. *Сусов А.* Национал-демократия – шаг навстречу национальной свободе. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article23430.htm>, свободный.
23. *Манифест о создании Национально-демократической партии* // Вопр. национализма. – 2012. – № 10. – С. 3–5.

Поступила в редакцию
09.11.12

Сергеев Сергей Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социальной и политической конфликтологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия.

E-mail: sasergeev1@rambler.ru

Салагаев Александр Леонидович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической конфликтологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия.

E-mail: salagaev@mail.ru